

Любава Малышева

ПОДАЛЬШЕ
ОТ МУЖЧИН

радфем-коммуна «ПЧЁЛЫ»

Любава Малышева

**Подальше от мужчин.
Радфем-коммуна «Пчёлы»**

«Издательские решения»

Малышева Л.

Подальше от мужчин. Радфем-коммуна «Пчёлы» /
Л. Малышева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855324-0

Гендерные стереотипы, домашнее насилие, феминизм, ксенофобия,
квир-танго, женская история, велосипеды, профитроли, сквоттеры,
бергенский дождь, синдром аспергера, музыканты, белый кролик.

ISBN 978-5-44-855324-0

© Малышева Л.
© Издательские решения

Содержание

Кролик уезжает	6
Пчёлы	7
Конец исследования	8
Мона	9
Лейла	10
Ида-Иден	11
Нил	12
Тарелочки	13
Лиам	15
Собрание	16
Вопрос с кроликом	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Подальше от мужчин Радфем-коммуна «Пчёлы»

Любава Малышева

© Любава Малышева, 2017

ISBN 978-5-4485-5324-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кролик уезжает

Конрад спал на своем продавленном диване и не подозревал, что навсегда лишается семейного уюта. Спутница жизни, розовый младенец, набор кастрюль, кролик Хокон IV и чемодан с одеждой погрузились в белый фургон и отправились в неизвестном направлении, с каждым мгновением удаляясь от толстяка в красном спортивном костюме.

Пустые пивные бутылки и жестянки, разбросанные по комнате, утратили свои алкогольные проценты и взамен приобрели способность размышлять. Они морщили этикетки, грустно переглядывались, вздыхали и осторожно подвигались поближе к бесчувственному телу. Они доставали бумажные платочки и планировали, как будут утешать Конрада, когда он проснётся. Ну, это я думаю, что они планировали. По-крайней мере, это было бы потоварищески. И я бы даже остался в комнате ненадолго, чтобы уточнить все эти нюансы, но сейчас мне интереснее проследить, куда едет белый фургон.

– Она все-таки сделала это, – сказала Зелёная банка.

– Да. Без неё будет лучше, – сказала Чёрная банка.

– Ну, это как посмотреть, – сказала Зелёная банка. – Что, если он завяжет?

– Он? – сказала Канистра. – Я знаю этот тип клиента, они наши навсегда.

– Я бы не была такой категоричной, – сказала Английская банка, – может случиться всякое.

Водитель фургона насчитал десять поворотов, пока спускался к центру города. Ветер раскачивал фонари, дождь заливал ветровое стекло, темные деревья наступали на дорогу. В центре Бергена машина остановилась, водитель спрыгнул на землю, прошелся до банкомата и снял 5 000 норвежских крон. Женщине, которая наблюдала за всем этим с пассажирского сидения, было 30 лет. И ровно год назад она уже убегала из дома.

Пчёлы

Ди создала женскую коммуну «Пчёлы» пять лет назад. Она сняла старый белый дом в центре города. На первом этаже была одна жилая комната. И еще кухня, ванная, гостиная. На втором этаже – пять больших спален. Официальный городской «Кризисный центр» спасал до ста тридцати человек в год. Неформальные «Пчёлы» спасали двадцать. «Пчёлы» занимались только безнадежными случаями и часто действовали не совсем законно. Что? Не совсем законно?

А вы всегда действуете законно? Что такое – законно? Вы курите траву? Представьте, что курите. Причем в самолёте. И в сумке у вас с собой довесок. Летит себе, летит ваш паровоз – то есть самолёт – из Копенгагена и вроде бы пока вы не преступник, но приземляетесь вы уже преступником. И всё, год за грамм, а то и хуже. Или, например, такое путешествие. Из Сан-Франциско в Иран. С гей-парада на шариат-парад, с радужной платформы на виселицу. Всё в жизни относительно, а законы – в первую очередь.

«Пчёлы» в философские рассуждения не пускались, действовали по ситуации. Что совершенно точно не укладывалось ни в какие государственные схемы и алгоритмы. Я, конечно, всё это рассказываю, потому что надо что-то говорить в машине, и дождь идёт, тоже время занимает. Но пора бы уже представить даму, которую увозят на белом грузовике.

Знакомьтесь, это Ира. 30 лет, коса 70 сантиметров. Муж хотел выкинуть ее из страны и навсегда отобрать ребенка. Поэтому, познакомившись с «Пчёлами», Ира вообще не раздумывала насчет кризисного центра, она согласилась сразу.

Машина остановилась около высокого крыльца. Вскоре Ира увидела свою новую комнату. Белые стены, маленькая двухэтажная кровать и диванчик, старое кресло, окно, выходящее на дорогу, книжный шкаф. Ире показалось, что она мечтала именно о такой комнате.

– Я никуда больше не уйду, – сказала Ира.

– Это было бы, конечно, лучше всего, – сказала Ди.

Конец исследования

Ира старалась делать всё, как обычно. Она поиграла с детьми, приготовила обед, убрала дом, полила цветы, запустила стиральную машину, искупала Александера, а затем уложила спать детей, осталась в детской комнате, притворилась спящей. Она вспоминала то, что советовала Марьяна.

– Тебе нужно будет забрать все документы, которые касаются тебя и ребёнка, плюс – вещи и работающую кредитную карту. Дорогого ничего не бери. Только свои вещи и вещи ребёнка – бельё, игрушки, косметику.

– Ладно.

– И придумай что-то, чтобы избежать секса ночью.

– Я знаю, что делать. Я лягу в детской, среди детей. Аутист начинает кричать, если его разбудить. Конрад ненавидит этого ребёнка и оставит меня в покое.

– Отличная идея.

– Я делала так один раз, но он утром меня избил.

– Теперь не избыёт.

Конрад пришел с работы и уселся на диван перед телевизором. Он давно уже не разговаривал с Ирой, не здоровался и не прощался. Он не стал заходить в детскую, включил футбол и сидел перед телевизором, пока не уснул.

Ира спать не ложилась. Каждую минуту она смотрела в окно и проверяла, не подъехала ли машина Ди. Наконец, недалеко от дверей дома припарковался белый грузовик. Ире казалось, что всё происходит не с ней, а с кем-то другим. Она подумала: «Что, если опять придется возвращаться? Муж снова будет кричать, угрожать, бить.» Ира накинула пальто прямо на пижаму, очень тихо вытолкала из кладовки чемоданы, детское кресло, коляску, наполненную памперсами и украинскими книгами, сумку с детским питанием. Затем она зашла в спальню, вытащила кредитку из кармана джинсов Конрада, а еще через мгновение – со спящим Александром в одной руке и с кроликом Хоконом IV в другой – вышла из дома. Шел дождь, в огромной луже около грузовика лежала разорванная книга Забужко, «Полевые исследования украинского секса». Ира не стала поднимать книгу. Оставалось сделать еще один шаг и сесть в грузовик.

Мона

Моне было 34 года, она приехала в Норвегию из Польши и главным увлечением её жизни были велосипеды. Она рисовала велосипеды, фотографировала велосипеды, коллекционировала марки с изображением велосипедов, снимала концептуальное кино про велосипеды, работала гидом в веломузее, устраивала велоэкскурсии, участвовала в «Критических массах» всех городов, в которых когда-либо жила, пекла печенье в форме велосипедов, участвовала в велогонках, носила серёжки с маленькими серебряными велосипедами и, наконец, она возглавляла фирму, которая изготавливала и продавала так называемые велосипеды мечты. Клиент мог нарисовать желанный велосипед и получить модель, похожую на рисунок.

Рекламный слоган фирмы «Велосипеды Моны» предлагал всем подчеркнуть свою индивидуальность, изобрести и приобрести уникальное средство передвижения. Эта идея индивидуальности была совершенно провальной в Норвегии, где протестантизм, умноженный на суровые условия жизни, стал причиной появления добропорядочного равенства. Никто не хотел выделяться и покупать велосипеды мечты.

Мона жила в «Пчелах» в комнате на первом этаже – сначала вместе с Ди, а потом отдельно. В её комнате постоянно находилось от трех до пяти велосипедов. В гостиной на штанге под потолком Мона хранила колёса, там же висел жёлтый опытный образец, велосипед-старожил под номером 1. Как вы уже знаете, велобизнес развивался не очень хорошо, и поэтому в последнее время Моне всё чаще приходилось прибегать к плану В.

Она разместила в городских газетах объявление о изготовлении «кладбищенских оград вашей мечты». Она изготавливала ограды как для нынешних, так и для будущих покойников. «Хотите подчеркнуть свою индивидуальность после смерти?» – так начиналось объявление. Клиентов было не очень много, но загробные индивидуалисты, в отличие от скромных велосипедистов, приносили прибыль.

Ди говорила, что корень финансовых проблем Моны в том, что люди не придают особого значения своим мечтам и своей индивидуальности. После предложения изготавливать что-то, делающее людей похожими друг на друга, Мона обиделась, поехала в африканскую парикмахерскую, заплела длинные дреды. Мона рассталась с Ди, но из «Пчёл» не ушла, просто заняла отдельную комнату.

Лейла

Именно Мона пригласила в свою комнату новую жилищку – Лейлу, французскую эмигрантку арабского происхождения. Лейла была на девять лет младше Моны, снимала никаб только в ванной комнате, была категорической противницей нудистских вечеринок, боди-арта, однополого секса, вегетарианской еды и поселилась в «Пчёлах», где всё вышеперечисленное процветало, только из-за безнадёжной жизненной ситуации. Бывает так, что последние люди, с которыми бы ты хотел общаться – единственные, кому вообще есть до тебя дело. Каждый день во время ужина Лейла говорила, что уедет, потому что не может больше жить с безнравственными «Пчёлами». Однако идти Лейле было некуда.

Никто из жителей коммуны никогда не вспоминал, как четырнадцатилетняя Лейла приехала в Норвегию в контейнере, через пять лет убежала из борделя в Осло и с тех пор принимала антиретровирусную терапию.

В местной африканской общине Лейла была известна как организатор интеграционных собраний для молодых эмигранток. Она рассказывала, например, что не надо спрашивать у мужа разрешения сфотографироваться и о том, что предохранение от беременности в браке и вообще – это нормально.

Ида-Иден

Прямо напротив комнаты Моны жила Ди. Оставшись в одиночестве, она сначала хотела прыгнуть с моста, а потом сосредоточилась на работе «Кризисного центра» и подготовке грядущего гей-парада. Кроме того, Ди стала ходить на вечера квир-танго в клуб «Активист». Именно там, на одном из танцевальных вечеров она познакомилась с Идой-Иденом. Это был трансгендер из Лиллехаммера, который убежал от своей семьи три года назад, работал консультантом-аналитиком в нефтяной фирме, жил по знакомым, готовился к операции, использовал только мужское местоимение и только мужскую одежду.

«Пчёлы» категорически запрещали мужчинам появляться на своей территории. На дверях коммуны висела табличка «Только для женщин», в уставе «Пчёл» говорилось, что женщина, вступившая в сексуальные отношения с мужчиной, изгоняется из коммуны без права на возвращение. Если в коммуне родился бы мальчик, до 16 лет он мог проживать в комнате матери, но не имел бы права голоса на общих собраниях.

Обсуждения транс-темы проходили достаточно часто. Можно сказать, половина еженедельного субботнего собрания традиционно посвящалась теме «Почему транс-люди не могут быть друзьями „Пчёл“. Никогда.» Общее собрание проголосовало, что пока Ида-Иден не начнет медицинский переход к новой биологической реальности, он может проживать в «Пчелах», поскольку физиологически пока относится к дискриминируемому классу, женщинам. Но то же общее собрание лишило Иду-Идена права голоса на веки вечные – как идейного врага женщин и всего женского.

Нил

Одна из девушек, с самого начала проживавшая в коммуне – Нил – была католичкой и противницей операций по смене пола. Она считала, что люди должны принимать свою биологическую идентичность и радоваться ей. Она бесконечное количество раз завлекала Иду-Идена в свою комнату и говорила про кастрирующий ужас хирургической коррекции, про многополовую реальность, про принятие себя.

Нил предпринимала самоотверженные романтические шаги, практически жертвовала собой ради всеобщей феминистской революции, но Ида-Иден оставался непреклонным, отказываясь от близких отношений с Нил, а в будущем, после перехода, планировал заключить брак с женщиной.

Квир-танго, приведшее к появлению Иды-Идена, также осуждалось большинством «Пчёл». Их раздражала смена партнера – символическая торжествующая безответственность, их приводило в бешенство неравенство, унижительность одежды и особенно – допустимость хаотичной смены гендерных ролей.

Мона говорила, что интеллигентные люди должны сторониться биполярной гендерной модели и мачистских танцев, которым некогда сутенёры обучали клиентов публичных домов. Поэтому каждый четверг – а танцевали по четвергам – когда Ди и Ида-Иден отправлялись в «Активист», остальные «Пчёлы» проводили молчаливый протест – они делали вид, что не замечают сборов на танцы и до конца дня не разговаривали с предателями идеи.

Ира прибыла в коммуну как раз в четверг, в день бойкота. Ди пыталась провести экстренное общее собрание с утра, но феминистки закрылись в своих комнатах. Так что ночью, когда Ира, Александер, Хокон IV, Ида-Иден и Ди появились на пороге гостиной, «Пчёлы» были настолько поражены, что про бойкот забыли.

– Это кролик! – закричала Нил и вскочила со своего места. Взяв малыша, она ушла в свою комнату и в следующую неделю Нил занималась только кроликом. Окружающие интересовали Нил исключительно как существа, способные вынести мусор, закупить сено, морковь и зерновой корм. Нил сказала, что она не потерпит клеток и что Хокон IV проживет свою жизнь достойно и настолько свободно, насколько только позволяет девятиметровая комната.

Лейла поднялась с дивана почти одновременно с Нил. Она взяла на руки ребенка. Остальные девушки начали знакомиться с Ирой, которая не могла запомнить имен, плакала и дрожала. Она присела и попробовала пить – зубы стучали о край чашки.

Было решено, что Ди и Марьяна будут ночевать в комнате с Ирой в первую ночь. Ира так и не смогла успокоиться и уснуть, она лежала, смотрела в темноту, не могла поверить, что Конрада больше не будет. Ди спала на воздушном матрасе в углу. Марьяна дремала в раскладном кресле около коляски с младенцем. Александер несколько раз просыпался и тогда Марьяна успокаивала его.

Ира думала о том, что она не хочет ребенка – вернее, не хочет ничего делать для ребенка Конрада. Она испытывала сильное желание избавиться от этого малыша, бросить его в море, забыть о нем, никогда его не рожать. Ира видела, как луна взошла, прокатилась по небу и исчезла. На рассвете, когда все звезды погасли и небо стало голубым, Ира уснула.

Тарелочки

Ира проснулась от страшного крика и звона разбивающейся посуды. Матрас Ди был пуст. Марианна, спасительная переводчица, тоже исчезла. Ира вскочила и посмотрела в коляску. Александера в коляске не было. Ира почувствовала, что ее охватывает паника. Она бросилась искать ребенка. Поиски были недолгими – почти сразу, в коридоре, она налетела на Марьяну, которая качала на руках малыша.

– Не бойся, – сказала Марьяна. – Все хорошо, это чисто политический скандал.

– Политический? – спросила Ира и взяла ребенка.

– Да, понимаешь, кое-что случилось. К нам в коммуну, в наш дом, приходил Лиам.

– Лиам?

– Это трансвестит, мужчина в женской одежде.

– Но ты вчера говорила, что мужчинам запрещается...

– Да, всё так. Ида-Иден нарушил правила. Поэтому все ругаются. Хочешь посмотреть? Давай, это весело. Ребенок спит, сходим на минуточку.

– Но вдруг он упадёт?

– А мы не будем класть его в кроватку. Мы передвинем матрас и он будет словно в манеже, смотри, это совершенно безопасно. А через минутку ты вернёшься. Ну или я вернусь, если тебе будет интересно посмотреть на наше шоу. Будем меняться.

Марьяна и Ира спустились на первый этаж.

В гостиной происходило следующее. Ида-Иден и Мона дрались, кричали и бросали друг в друга тарелки. Марьяна начала переводить:

– Ты предатель! – кричала Мона. – С самого первого дня, с тех пор, как ты переехал в этот дом, ты делаешь только гадости!

– На себя посмотри! – Кричал Ида-Иден.

– Работорговец! – Великолепная белая фарфоровая супница разбилась.

– Маньячка! – Синяя чашка Лейлы превратилась в осколки.

– Мачо! – Квадратная белая тарелка покинула этот мир.

– Это моя страна! Убирайся в Польшу! – Через всю комнату пролетела стопка чайных блюд.

– Нет, вы только посмотрите на этого нациста. – От кувшина на стене осталось мокрое пятно.

В этот момент посуда закончилась. Прозрачные чашки, дизайнерские тарелки, супница, салатница, бокалы и даже большое блюдо для пиццы были превращены в осколки. На стенах остались выбоины.

Ида-Иден стоял около одного пустого посудного шкафа, Мона около второго. Остальные «Пчёлы» спокойно сидели на диване и следили за летающими предметами, словно зрители Уимблдона.

Осколки разговаривали между собой:

– Люди совершенно безумные.

– Зачем они нас переколотили?

– Неужели всё?

– Есть ли жизнь после смерти?

– Что, если это только начало?

– Как я выгляжу?

Посудная битва закончилась. Все посмотрели на Иру и Марьяну.

– А где ребёнок? – спросила Мона по-польски.

– Наверху, – ответила Марьяна.

– Ты что, – возмущенно сказала Мона. – Это безответственность! Принеси ребёнка немедленно. У Моны не было своих детей и поэтому она была большим специалистом в вопросах воспитания. Марьяна отправилась наверх, а Ира осталась, чтобы наблюдать за развитием событий.

– Хочешь? – спросила Нил и протянула ей пластиковый стакан с сафтом из чёрной бузины.

Лиам

Виновник конфликта, Лиам, сидел на крыльце и курил, обе ладони его были кое-как забинтованы. Окровавленное лицо, порванные полосатые женские колготки, разбитая коленка, растрёпанные волосы – вот что могли видеть соседи сквозь щелочку в жалюзи. Рядом с крыльцом, на земле, лежала спортивная сумка со сломанной молнией, из неё высовывались фиолетовое боа и розовая балетная пачка – почти такая же, в которую Лиам был одет сейчас. На асфальте лежали разбросанные вещи, по ним проезжали машины. Прохожие ничего не говорили и, замечая Лиаму, ускоряли шаг.

Откуда появился этот странный персонаж? После того, как Ира оказалась в своей новой комнате, Ида-Иден решил всё-таки забежать на пару минут на ночное квир-танго. Хотя бы к закрытию клуба. В то же самое время к дверям клуба подъехало такси, из него на улицу выпал Лиам. Он узнал Иду-Идена и, сидя на земле, попросил заплатить за такси, а после этого рассказал, что был избит другом, что он не может идти и что ему негде теперь жить. Лиам отказывался звонить в полицию, «Активист» закрывался, остальные квир-танцоры быстро разбежались по домам.

Вздыхнув, Ида-Иден помог Лиаму подняться, взял его сумку и вместе они добрались до «Пчёл». В коридоре было пусто, все «Пчёлы» закрылись в своих комнатах, Ди почему-то не было, еще одна соседка по комнате Иды-Идена, индианка Сири, спала. Посоветоваться было совершенно не с кем. Поэтому Ида-Иден устроил Лиаму на ночь в гостиной и пошел спать.

Утром Лиаму обнаружила Мона. На самом деле у Лиамы была очень плохая репутация. Когда он был юн, он наделал много ошибок, которые местные газеты не оставили без внимания. Даже после каминг-аута и десятилетнего пребывания в женском образе, даже после участия во многих социальных проектах, Лиам был вынужден оправдываться, хотя давно не ощущал никакой связи с той личностью, которая проживала в его теле в юности. Он знал отношения «Пчёл» к мужчинам, поэтому утром он не особенно удивился, когда Мона буквально вышвырнула его из дома и начала громко кричать по-польски и по-норвежски, созывая собрание. Лиам сидел на высоком крыльце и курил, слушал перебранку, слушал бой церковных часов, смотрел на людей, бредущих мимо по улице и думал, удастся ли докурить сигарету или дождь докурит ее быстрее.

После того, как посуда была разбита, а Марьяна принесла вниз Александера, началось долгожданное общее собрание. Правда, Нил была на работе в своей керамической мастерской, но остальные «Пчёлы» присутствовали. Считая Иру, семь человек сидели вокруг разбитого стеклянного стола.

Собрание

Ди всегда была модератором собраний. Она раздала всем белые листки бумаги и сказала:

– Правила коммуны были нарушены. Мы должны обсудить произошедшее и решить, имеет ли Ида-Иден право остаться с нами или теперь он должен покинуть «Пчёл» немедленно и навсегда. Мы будем голосовать по вопросам, которые внеочередное собрание решит нужным задать. Через пять минут каждый должен написать свои вопросы на листочке и потом мы продолжим.

Ди держала нейтралитет и поэтому она закрыла дверь в гостиную, прошла на кухню, налила в чашку чай, сделала бутерброд и взяла зонт, одеяло и туристическую пенку и вышла на крыльцо. Лиам обернулся и увидел Ди.

– Привет! – сказал он.

– Получил? – спросила Ди, расстелила пенку и помогая Лиаму укутаться в одеяло.

– Да, сначала от Эйнара, потом от Моны.

– Но она же не сильно тебя? – спросила Ди, раскрывая зонт и присаживаясь рядом с Лиамом.

– Ну так, платье порвала.

Ди и Лиам были знакомы много лет. Они вместе учились в штайнеровской школе, вместе играли в выпускной постановке «Двенадцатая ночь». Лиам играл Лизандра, Ди – Гермину. После второй постановки Лиам арестовали и обвинили в изнасиловании двенадцатилетней девочки. Разбирательство шло долго, в итоге он был оправдан. Но бергенские феминистки запомнили этот эпизод и не упускали случая лишний раз напомнить Лиаму, что он насильник.

Второй раз Лиам попал в поле зрения активистов, когда полиция заподозрила его в изготовлении детской порнографии. Лиам тогда собрался и улетел во Вьетнам на три месяца. Ди по собственной инициативе забрала и увезла все вещи Лиамы, выброшенные его соседями, в собственный гараж. Позже обвинения были сняты, за порнографию арестовали соседа Лиамы, какого-то известного адвоката, сторонника правых. Но уже ни одна правозащитная группа, кроме палестинской, не принимала Лиамы в свои ряды.

На прайде Лиам появился только когда Ди вошла в комитет. Он шел вместе с прайдом в своём красном пальто, с накрашенным лицом, на высоких каблуках и вокруг него не было никого. Никто не хотел идти рядом. Никто не хотел говорить. Ди ехала на платформе и занималась звуковым пультом, электрогенератор коротило от дождя. Был очень сильный ветер, радужные флаги трепетали и разрывались. Люди, несущие транспаранты, сгибались и очень скоро весь прайд смыло дождем. Лиам заплакал и отстал от колонны, сквозь слезы он видел серую массу города, расплывающуюся и дрожащую.

Сколько всевозможных поговорок придумано для самоопределения. Ты – это твой жизненный опыт. Или: ты – то, что тебя окружает. Скажи мне, кто твой друг. Ты – то, что ты ешь. Ты – то, что ты думаешь. Ты – это твои намерения. Ты – это твои приоритеты. Очень сложно жить, когда твой приоритет – чтобы били не очень сильно. Вот что думал Лиам.

– Никуда не уходи, – сказала Ди. – Это моя коммуна и я тут решаю.

– Ты диктатор, – сказал Лиам.

– Да, я диктатор.

– Но все против меня, они ненавидят меня.

– И что, тебе есть куда идти?

– Нет.

– Тогда будешь терпеть ненависть.

- Не привыкать.
- А что с Эйнарсом?
- Ну...
- Что, без повода?
- Ну я выпил.
- Ты всегда пьешь.
- Я выпил и поцеловал его.
- Ты и раньше его целовал.
- Но раньше я не говорил лишнего.
- Ясно, мне пора. Сиди и жди.
- Сажу и жду, – сказал Лиам, оставшись один на один со своей сумкой.

Обитатели коммуны громко обсуждали Лиам, но при появлении Ди все замолчали и протянули ей листки. Ди выкатила в центр комнаты модераторскую доску и взяла фломастер.

– На повестке дня следующие вопросы... – Ди начала записывать на доске предложения «Пчёл». – Первое. Ира и ее ребёнок. Второе. Кролик. Третье. Дежурство по кухне. Четвертое. Лиам. Предлагаю высказываться по первому вопросу. Ира и ее ребёнок.

Руки подняли все. Первой говорила Мона. Ира в разговоре не участвовала вообще. Марьяна иногда переводила ей: «Все в порядке, ты понравилась» или «Хорошие новости».

Оказалось, что все «Пчёлы» одобряют экстренную эвакуацию Иры. Лейла сказала, что она хотела бы помогать с ребёнком. Марьяна сказала, что будет учить Иру норвежскому. Мона сказала, что она найдёт для Иры велосипед с детским сидением. Ида-Иден сказал, что детей не любит, но Александер кажется ему симпатичным. Сири сказала, что у её сестры в Воссе есть много старых детских вещей и она попросит их привезти. В общем, по первому вопросу все были единодушны и это несколько разрядило атмосферу. Феминистки единогласно проголосовали за то, чтобы Ира и Александер жили в «Пчёлах». Ну то есть все, кто имел право голоса, проголосовали.

Вопрос с кроликом

По поводу кролика мнения разделились. Лейла говорила, что кролик – это антисанитария. Сири сказала, что она боится кролика. Мона сказала, что кролик – самец и попадает под ограничения «Пчёл». Марьяна ответила, что кролик животное и подвергается дискриминации даже не по гендерному, а по более широкому – видовому принципу. Поэтому, несмотря на биологический пол, белый кролик может проживать в «Пчёлах». Ида-Иден сказал – что у него аллергия на кошек и неизвестно, будет ли аллергия на кролика. Было решено провести еще одно собрание по кролику вместе с Нил. Поскольку Хокон IV сидел в комнате Нил, он не мог присутствовать на собрании и не мог очаровывать присутствующих своим белым мехом, пушистым хвостиком и розовыми прозрачными ушками. Так Хокон IV получил отсрочку и был оставлен в покое. А «Пчёлы» перешли к вопросу мытья посуды.

Марьяна: – Лейла не помыла посуду в понедельник.

Лейла: – Я болела.

Марьяна: – Месячные – это не болезнь.

Сири: – В вашей культуре – не болезнь. Но в мире много разных культур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.